

STRELKA

PRESS

ПРЕСС

SERIES 1

НА ПЛОЩАДИ
В ПОИСКАХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОСТРАНСТВ
ПОСТ-
СОВЕТСКОГО
ГОРОДА

ОУЭН
ХАЗЕРЛИ

Оуэн Хазерли
На площади. В поисках
общественных пространств
постсоветского города

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3364345

На площади. В поисках общественных пространств постсоветского города: Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка»; Москва;

2012

ISBN 978-5-9903723-3-7

Аннотация

В современном урбанизме широкий простор большой площади воспринимается как нечто безвозвратно устаревшее. Ни один проектировщик, будь он из «новых урбанистов» (движение почитателей канонов XVIII столетия, финансируемое компанией Disney) или заикленный на понятии «пьяцца» урбанист современного высокотехнологичного направления, не захочет иметь ничего общего с таким гигантским, порожденным авторитарной системой монстром. Чем же обусловлено такое отторжение – исключительно эстетическим неприятием, или здесь видна политическая подоплека? Может статья, в необъяснимой бесполезности такого пространства кроется некий тайный потенциал? А, может, эти пустые пространства на

самом деле удачно подходят для общественных выступлений и
волеизъявлений?

Содержание

Введение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Оуэн Хатерли
На площади. В поисках
общественных пространств
постсоветского города

*Across the Plaza: The Public Voids of the Post-Soviet
City by Owen Hatherley*

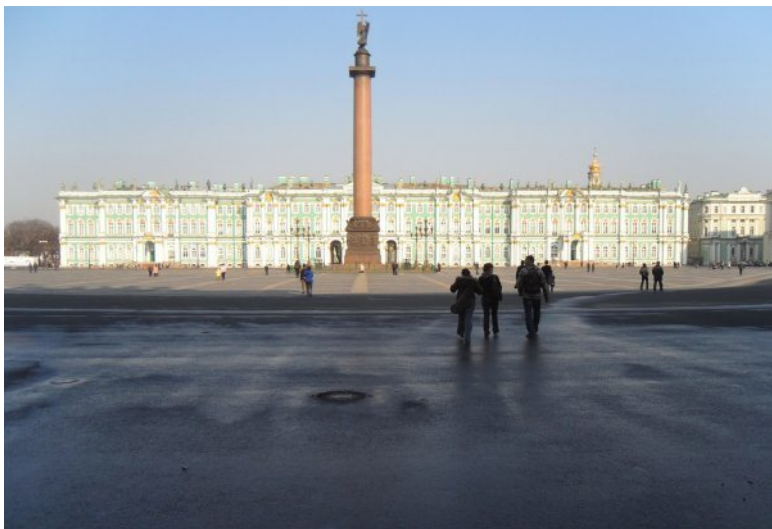
Strelka Press

Перевод с английского Дмитрий Симановский

*© Институт медиа, архитектуры и дизайна
«Стрелка», 2012*

Введение

«Пустое пространство создает чрезвычайно наполненное время»

Представьте широкий простор большой центральной площади: вы стоите посередине, ветер безжалостно бьет в лицо. Вокруг гигантские здания из гранита и бетона, построенные строго по центрально-осевому плану. И располагаются в них, скорее всего, правительственные учреждения. Воз-

можно, вас даже разглядывает скучающий оператор системы видеонаблюдения, греющий руки о кружку с кофе в кабинете где-то поблизости, но вы-то знаете, что лет двадцать с небольшим назад за вами могли следить настоящие агенты спецслужб. От этого пробирает мороз по коже, особенно если вам нравятся шпионские истории. На самой площади наблюдается какое-то движение – служащие курят под навесами в обеденный перерыв, нищие просят милостыню, вокруг ларьков царит суета. А если вы в Восточной Германии или в бывшем Советском Союзе, то компанию вам составит еще и неодушевленный предмет – статуя Маркса или Ленина может просто стоять, а может сурово указывать на вас, порицая за тунеядство. В других странах акцентеры расставляют более традиционными методами: коринфской колонной или памятником правителю, усатому генералу. Ощущение огромного неиспользованного пространства тем не менее остается; отсюда и ветер, пронизывающие порывы которого рано или поздно вынудят вас укрыться в помещении. Нет, сама по себе площадь, конечно, представляет интерес как трехмерный пережиток ушедшей эпохи, как музейная реликвия.

Однако это представление ошибочно – *научиться чему-нибудь* в таком музее получится едва ли.

В современном урбанизме широкий простор большой площади воспринимается как нечто безвозвратно устаревшее. Даже осмотр предметов данного исследования, таких

как Александерплац в Берлине, варшавская площадь Дефилад или площадь Рынек в Катовице, у большинства современных планировщиков вызвал бы в первую очередь отвращение, а потом уж мысли о том, как эти пространства облагородить. Что делать с этим кошмаром? Решение такой проблемы может объединить традиционалистов и авангардистов. Какую из указанных площадей ни возьми, каждая могла бы послужить для них примером наихудшего воплощения классического осевого принципа – формальной композиции, где все на своих местах и не допускается никаких случайностей или отклонений вроде модернистского объекта в пространстве (сегодня этот принцип подвергается критике, но все равно часто используется в других контекстах). Цель же и у тех и у других одна: обозначить границы, выстроить перспективу, показать пару дешевых трюков с масштабом и восприятием. Ни один проектировщик, будь он из «новых урбанистов» (движение почитателей канонов XVIII столетия, финансируемое компанией Disney) или заикливший на понятии «пьяцца» урбанист современного высокотехнологичного направления, не захочет иметь ничего общего с таким гигантским, порожденным авторитарной системой монстром. Чем же обусловлено такое отторжение – исключительно эстетическим неприятием, или здесь видна политическая подоплека? Может статья, в необъяснимой бесполезности такого пространства кроется некий тайный потенциал? А, может, эти пустые пространства на самом деле

удачно подходят для общественных выступлений и волеизъявлений?

Чтобы ответить на эти вопросы, нам нужно выяснить, что это за пространства и какие объекты на них размещаются. Возьмем, к примеру, модернистское пространство из тех, что никак не заподозришь в каких-либо непосредственных связях с советской эстетикой: Культурфорум в бывшем Западном Берлине. Имеем: архитектурные произведения детальной проработки. Новая национальная галерея (архитектор – Мис ван дер Роэ) – сдержанная, тщательно выверенная классика модернизма. Разнообразие цоколей, платформ и колонн здесь будто создано для поклонения, благодаря цоколю здание заметно возвышается над своим окружением; стоящая в самом широком смысле особняком неоготическая церковь, сдержанно модернистское здание кафе и смотрящие на него постройки, спроектированные под руководством Ганса Шаруна: Филармония, Концертный зал камерной музыки и Государственная библиотека. Нарочитые, захватывающие внимание экспрессионистские здания Шаруна расположены на краю территории, неопределенный характер которой подчеркивает архитектурную зрелищность, но не дает воспринимать ее как общественное пространство. Гравийное покрытие усиливает ощущение неясности и временности. И только престиж самих зданий да имена великих модернистов Веймарской республики не позволили проектировщикам застроить это пространство жилыми домами,

торговыми центрами и киосками. В таком нетронутом виде Культурфорум остается одним из последних мест современного города, где можно ощутить порыв бодрящего воздуха, присутствие которого подразумевало модернистское городское планирование.

Блестящую пустоту, холодность и параноидальность нового типа пространств горячо романтизировал в своей композиции Plaza (1980) британский пионер электроники Джон Фокс: «На площади / мы медленно танцуем, подсвеченные словно фотографии в лайт-боксах... / А напротив в лаунже проводят семинары... / На эскалаторе вниз, там вид на море / За матовым стеклом никто тебя не видит. / Мне знакомо твое лицо / Я видел его в осколках лобового стекла». Песня проникает в самую суть того, почему площадь, и в частности Культурфорум, может вызывать такой интерес и так отличаться от безликой тесноты современной городской планировки. Это парадоксальная намеренная *инаковость* пространства, ощущение его бесполезности и откровенного формализма, его беззастенчивая мрачность. Культурфорум когда-то прилегал к настоящему пустырю – полосе отчуждения, мертвой зоне, где пограничники открывали огонь по людям, пытавшимся бежать из Восточной Германии. Чтобы проследить такой подход к городскому пространству в развитии, нужно лишь пройти до выросшей на месте полосы отчуждения Потсдамерплац.

Потсдамерплац – небезынтересная сама по себе градо-

строительная ошибка – является попыткой воскресить свойственную столичному Берлину «культуру уплотнения» периода между двумя мировыми войнами, воссоздать шумный перекресток торговых и транспортных путей (здесь были установлены первые в Германии светофоры) на месте, где до 1989 года был продуваемый всеми ветрами пустырь. Здания, в особенности постройка Ханса Коллхоффа, представляют собой тщательно выверенные дорогостоящие интерпретации экспрессионизма времен Веймарской республики, в то время как построенные вокруг торговые центры и кинотеатры работают на привлечение публики, создание суматохи, не дают пространству пустовать. Потсдамерплац изо всех сил старается создать видимость движения, активности, разнообразия функций, что лишь усугубляет ощущение неизбывной холодности. Разница между вымученной столичностью Потсдамерплац и тишью Культурфорума потрясающая; однако причины этих различий куда глубже и сложнее, нежели может показаться на первый взгляд.

Здесь уместной будет краткая предыстория рассматриваемых пространств. Онтологически послевоенная площадь восходит прежде всего к градостроительным традициям прусского военного государства и пан-европейскому прагматизму императорского Санкт-Петербурга; от таких корней, впрочем, принято отрешиваться. Не будем забывать, что последний был эдаким Дубаем XVIII столетия – невероятный проект на неосвоенных территориях в малопригод-

ном для жизни климате, возведенный рабским трудом и волей абсолютного монарха. Его самые известные архитекторы – Растрелли, Росси и прочие – были иностранными звездами. Когда эти итальянцы приехали застраивать ядовитое смертоносное болото на Финском заливе, они взяли формальные приемы классицизма и барокко и расширили их до невиданных ранее пределов. Итальянским и французским городам еще нужно было избавиться от средневековой суетности, чтобы соответствовать математически выверенным предписаниям градостроителей. И в Москве раздолье Красной площади упирается в безотрадную путаницу средневековых улочек. В Петербурге таких помех не было. Соответственно отличительной особенностью города стал Невский проспект, широта и простор которого поражают до сих пор. Проспект ведет к Дворцовой площади, чей размер и ровный рельеф производит не менее грандиозное впечатление. Как будто в самом сердце города решено было воссоздать необъятное пространство, его окружавшее. И здание Главного штаба Карла Росси, и его колоссальная арка, сквозь которую открывается парадный вид на Зимний дворец, – все это невероятных размеров. И далее до горизонта простираются здания почти одинаковой высоты, и возвышаются лишь самые достойные: золотой купол Исаакиевского собора да суровый шпиль Адмиралтейства – прямой предок тысячи сталинских высотных зданий, взметнувшихся два столетия спустя.

Это, по крайней мере в теории, и есть авторитарное градостроительство. Введите «Невский проспект» в Google Images, и почти наверняка вам попадетсa фотография «Июль 1917», когда Временное правительство открыло огонь по рабочей демонстрации. Люди разбегаются по непомерно широкой улице, не имея возможности ни защититься, ни укрыться в переулке, ни построить баррикаду. Однако, когда спустя три месяца те же рабочие организовали военно-революционный комитет, они осознанно обратили осевой план города против него самого, направив толпу по проспекту к Зимнему дворцу. За последующие несколько лет Дворцовая площадь, центр Коммунистического Интернационала, стала очагом беспрецедентных уличных акций, на которых рабочие Петрограда праздновали обретенную ими власть. Футуристы украшали все те же колонны и бюрократические кварталы архитектурными элементами, которые исчезали сразу по окончании праздника. Интересно, что более позднее коммунистическое руководство сменило эту новую форму ситуативного градостроительства ретроградной, беззастенчиво копировавшей старый Петербург.

В Восточном Берлине, Варшаве, Киеве, в десятках других городов, расположенных восточнее Эльбы, от Свердловска до Белграда в той или иной форме неизменно воспроизводятся характерные черты Петербурга: длинный широкий проспект и гигантская площадь – только больше, величественнее и эффектнее, чем прежде. У Берлина были свои

предшественники, ведь прусское градостроительство было почти так же монументально и в той же степени обусловлено военными нуждами, как и проект, начатый Петром Великим. Наиболее очевидный пример совмещения парадного плаца и проспекта – это Унтер-ден-Линден; впрочем, по царским стандартам его размеры ничтожны. Куда более серьезное впечатление, нежели Унтер-ден-Линден и, если уж на то пошло, неловко разбросанные по пространству объекты Культурфорума, производит путь от Карл-Маркс-Аллее к Александерплац. «Здесь начинается степь», – шутили берлинцы с недоброй ухмылкой. Это полюса восточноевропейского пространства, зажатого между Пруссией и царской Россией, или позднее, что более ужасно, между сталинизмом и нацизмом.

Кто же тогда, кроме как из чисто извращенческих побуждений, захочет проводить время в таких местах и тем более искать им оправдания? По господствующим сегодня представлениям о градостроительстве проблема этих пространств заключается в том, что они суть порождения авторитарной власти – будь то кайзер, царь или генеральный секретарь. В определенном смысле так оно и есть. Это продукт предельной централизации, осевой стержень городских и архитектурных ансамблей, очевидное предназначение которого – внушать уважение к власти. Пространства эти спроектированы специально для массовых действий, для развеивающихся знамен, для синхронных движений марширующих тел. Не

стоит, однако, забывать, сколько эти представления позаимствовали у акций революционных рабочих движений – позднейшие «социалистические» режимы в точности следовали если не духу, то букве ранних экспериментов на Дворцовой площади в Петрограде. Кроме того, в условиях капитализма нужно тщательно взвешивать свои желания. Децентрализация, дезурбанизм, отход от образцово-показательных авторитарных городских пространств практикуется здесь уже многие десятилетия. Однако в результате в окраинных промзонах и в полностью нематериальной компьютерной сети власти скапливается столько же, если не больше, чем на центральной площади. Это не означает, что у площади не осталось политической власти. Совсем наоборот.

Перепланировка крупнейших городских площадей наводит на мысль о том, что устранение открытых пространств имеет подоплеку политического характера. Готовая вместить толпы Александерплац, не взирая на свое «вертикальное» происхождение, стала местом, где под давлением массовых протестов пал режим Хонеккера. Как будто условный народ, единство которого изображали организованные действия, внезапно ожил к вящему ужасу руководства. За последние двадцать лет было представлено несколько проектов перепланировки Александерплац, цель которых заключалась в решении проблемы пустого, якобы неиспользуемого и непригодного к использованию (а точнее – к извлечению прибыли) пространства. В рамках одного из них архи-

тектору Потсдамерплац Хансу Коллхоффу заказали проект заполняющих пустоты небоскребов. Официально от этого плана так и не отказались, однако в реальности с задачей уже справились довольно неуклюжие архитектурные наросты, лишённые благопристойного формализма Коллхоффа. Футуристический фасад универмага времен ГДР заложили песчаником, а вокруг в произвольном порядке выстроили из кирпича торговые помещения в неопрусском стиле: классицистский китч рядом с китчем космической эры. Все ради того, чтобы место стало *бойким*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.